Гравюра «Murder of the duke D'Enghien» как визуальный источник роялистской пропаганды периода Первой реставрации Бурбонов во Франции (апрель 1814 г. – март 1815 г.)

Engraving «Murder of the duke D'Enghien» as a visual source of royalist propaganda during the First Bourbon Restoration in France (April 1814 – March 1815)

Соловьев В.А.
Магистрант 1 курса,
Высшая школа социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»,
РФ, г. Архангельск
e-mail: solovv-vladlen@rambler.ru

Soloviev V.A.
Master of the 1st year,
Graduate School of Social Sciences
and international communication,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov»,
Russia, Arkhangelsk
e-mail: solovv-vladlen@rambler.ru

Аннотация.
В статье предпринимается попытка проанализировать визуальный источник в виде гравюры, созданной в период Первой реставрации Бурбонов. В рамках источниковедческого анализа, на основе принципа историзма, в соотношении с влиянием исторического контекста появления гравюры, автор дает собственную оценку места и роли визуальным изображениям в прессе в контексте роялисткой пропаганды 1814-1815 гг., направленной на дискредитацию образа Наполеона в частности и его режима в целом. В этом ключе визуальный прием «контраста» выступает первоочередном объектом исследовательского поля. Также автор выдвигает несколько предположений относительно возможного влияния подобного рода визуальных изображений на восприятие французских читателей начала XIX в.

Annotation.
The article attempts to analyze the visual source in the form of an engraving created during the First Bourbon Restoration. In the framework of source research analysis, based on the principle of historicism, in relation to the influence of the historical context of the appearance of engraving, the author gives his own assessment of the place and role of visual images in the press in the context of the royalist propaganda of 1814-1815, aimed at discrediting the image of Napoleon in particular and his regime in general. In this key, the visual reception of "contrast" acts as the primary object of the research field. Also, the author makes several assumptions about the possible influence of such visual images on the perception of French readers of the early XIX century.

Ключевые слова: визуальный источник, интерпретация, гравюра, Франция, наполеоновская эпоха, период Первой реставрации Бурбонов, роялизм, герцог Энгиенский

Key words: visual source, interpretation, engraving, France, Napoleonic era, the period of the First Bourbon Restoration, royalism, Duke of Enghien

В условиях современного информационного общества, колоссальных объемов поступающей информации через различные каналы связи формируется благоприятная почва для действия механизмов, влияющих на сознание и восприятие мира пользователями информационного поля. Одним из таких механизмов может являться политическая пропаганда, целью которой может быть создание того или иного представления или образа (как отдельного индивида, групп людей, организаций, так и целых институтов общества).

Не отрицая определенного влияния и контроля государства над сферой информационного пространства, в работе предпринимается попытка рассмотреть одну из сторон роялистской политической пропаганды периода

Первой реставрации династии Бурбонов во Франции (6 апреля 1814 г. – март 1815 г.), достаточно малоизученного периода, как в зарубежной, так и отечественной историографии, через призму любопытного визуального источника – гравюры «Murder of the duke D'Enghien» («Убийство герцога Энгиенского»), опубликованной в электронном виде на сайте Музея Армии (Париж) [12]. Важно подметить, что с точки зрения исторической релевантности анализ единственного приведенного источника не может говорить о наличии или отсутствии каких-либо особенностей роялистской пропагандистской политики, но в то же время может иллюстрировать частную практику в контексте общей идеологической установки французской монархии на момент начала периода реставрации, направленной на укрепление легитимности монархии и формирования негативного образа вокруг предыдущего режима в целом и Наполеона в частности. Исследование представляет интерес не только в контексте изучения взаимовлияния исторической реальности и общественного сознания, но и по причине обращения к феномену реставрации монархии в государстве постреволюционного, во многом республиканского типа.

В конце XVIII и с началом XIX веков, в период становления идеи национального государства, идеи нации и национальной политической жизни главным инструментом формирования общественного мнения в городской среде (это важно) по тому или иному вопросу выступает печать [5]. Печатная продукция, увидевшая свет в период Первой реставрации и Ста дней, была весьма разнообразна и многочисленна: «газеты, записки, брошюры, объявления и афиши, памфлеты самых разных направлений, как правило, отменно написанные» [3, с. 21]. Общественное мнение в этот период стало весомой силой, с которой власти предпочитали считаться, а периодическая печать выступала главным его выразителем [11, p. 87] (особенно на фоне предыдущего положения прессы в период империи). Процитируем, в связи с этим, одну из выдержек газеты «Цензор» (либеральное крыло): «После долгого времени газеты стали одной из главных опор власти, одним из наилучших рычагов ее осуществления. Посредством них правительство стремится обнародовать свои мысли, которые быстро распространяются дальше и становятся известны всем партиям государства. Надобность в их получении, нетерпение, с которым их ждут, жадность, с которой их читают, должны обеспечить им большое влияние. Так как власть определяет их дух, она всегда может использовать это влияние выгодным для себя образом» [11, p. 87]. Что любопытно, в одном из обзоров прессы того же оппозиционного «Цензора» указывалось на политическую беспринципность периодики того времени: «Тот факт, что газеты являются весьма полезным для правительства инструментом, тот факт, что правительство определяет их дух, объясняет, почему власть позволяет газетам говорить, ибо она заставляет их говорить исключительно то, что сама хочет услышать. Произошли какие-нибудь неприятные события, их можно замолчать, скрыть, даже извратить. Появились как-нибудь приятные новости, их можно преподнести таким образом, чтобы удвоить интерес к ним и их эффект. Если власти хотят принять какой-нибудь декрет, но опасаются последствий, то газеты долгое время подготавливают к нему умы. Если есть необходимость распространить некоторые максимы, противоречащие общепринятым идеям, газеты внушают их умело и осторожно. В управляемых таким образом газетах, мы никогда не найдем указания на то, что правительство сделало что-то плохое: оно вообще не имеет больше врагов. <…> То, чего больше всего требует власть от наших газет, так это их согласия на ее вмешательство в освещение ими всех вопросов, касающихся правительства <…>. Новое правительство нашло газеты готовыми исполнить все, чего бы оно ни захотело, и ждущими только приказа изменить свои принципы и направление…» [7, с. 232].

Использование роялистской политической пропаганды властью облегчалось введением цензуры печати законом от 21 октября 1814 года, что было возможным, благодаря весьма размытой формулировке 8 статьи королевской хартии, юридически ограничивающей власть монарха: «Французы имеют право обнародовать и печатать свои мнения, сообразуясь с законами, которые должны преследовать злоупотребления этой свободой»

[6, с. 76]. Примечательно, что закон о печати, основная идея которого заключалось в возможности основания новых печатных изданий только с разрешения королевской власти, был принят лишь спустя 7 месяцев с момента первого отречения Наполеона и начала Первой реставрации Бурбонов. Из чего следует предположить о наличии частичной или полной свободы прессы в переходный период между апрелем и октябрем 1814 года: «Несмотря на все сопротивление либералов, цензура сохранилась, но в целом, начиная с апреля, она была несравнимо менее строгой, чем во времена Империи» [7, с. 232]. «Бонапартисты, роялисты, республиканцы, либералы – все имели свои печатные органы в этот период» [7, с. 232]. О. Бальзак в романе «Утраченные иллюзии» (1837–1843) показал, как изменился характер французской прессы в эпоху реставрации. Пресса отныне служит не для объяснения явлений, не для просвещения публики, но для формирования мнений. «Газета, вместо того чтобы возвыситься до служения обществу, стала орудием в руках партий…» [2, с. 281]. – говорит один из персонажей романа, журналист Клод Виньон. Бальзак увидел нарождающееся могущество прессы. «...В 1821 году газеты были вершителями судьбы всех творений мысли и издательских предприятий. Объявление в несколько строк, втиснутых в хронику парижских происшествий, стоило бешеных денег...» [2, с. 322].

При рассмотрении вопроса о роялистской пропаганде периода Первой реставрации, невозможно не затронуть тему легитимности французской монархии или законности, нуждающейся в укреплении по причине весьма продолжительного периода замалчивания и критики Старого порядка (на протяжении большей части периода республики и империи). Легитимность монархии Бурбонов в этом контексте противопоставляется деспотическому режиму Наполеона - его личному творению, без какой бы то ни было исторической традиции, основанной на произволе и амбициях одного человека [10, p. 264]. При этом сама личность Наполеона, как творца предыдущего политического режима, как бы выносилась за скобки, отделяя его личность от французской нации. К тому же, препятствием на пути укрепления легитимности являлся и объективной фактор времени. Французское общество за годы республики и империи успело забыть и отвыкнуть от старой династии, Бурбоны были забыты и незнакомы для Франции [4, с. 220]. Известный исследователь наполеоновской эпохи Дэвид Чандлер и вовсе предлагает тезис об отсутствии опоры у Бурбонов в национальном самосознании французов, противопоставляя безжалостное, но твердое правление Наполеона с ограниченной реакционностью короля и его окружения [8, с. 829]. Но здесь, говоря о самосознании французов, Чандлер далее поясняет, что речь идет прежде всего о самом многочисленном и недоверчивом слое французского общества – о крестьянах, напуганных наплывом эмигрантов, желающих вернуть потерянные земли и собственность, что, надо признать, расшатывало доверие к короне [8, с. 829]. Не говоря уже об отношении к Бурбонам значительной части демобилизованных солдат и офицеров, вынужденных выживать в условиях плачевной экономической ситуации в стране.

Отойдем от исторического контекста и перейдем непосредственно к анализу источника. Что о нем известно? Начать следует с авторства. Данные, обнаруженные на сегодняшний день, свидетельствуют о наличии редактора гравюры под именем некого Томаса Тегга. Информация в открытом доступе на иностранных порталах, к сожалению, не добавляет сведений о том, кем именно являлся редактор, каковы иные его работы, в рамках какой структуры или организации осуществлял свою деятельность. К авторству работу мы еще вернемся. Продолжая осуществление внутренней критики источника, остановимся на его длине – 11 см. и ширине – 19,1 см. Если учесть, что до середины XIX века в европейском издательском деле формат стандартного издания мог достигать высоты 25 см., гравюра вполне могла быть размещена на одной из полос газеты или же существовать в качестве заглавной иллюстрации политической брошюры (достаточно популярных в то время). Одним из доказательств того, что гравюра могла использоваться в печати большим тиражом является информация о том, что техническая манера, использовавшаяся при создании гравюры носит название акватинта (возникла во Франции в середине XVIII в. как средство воспроизведения на бумаге в гравюре образцов тонового рисунка

тушью) [1]. Гравюра датируется датой – 7 декабря 1814 г., что может наталкивать на мысли об изначальном замысле заказа публикации статьи или заметки к десятилетию со дня трагического события – убийства герцога Энгиенского (21 марта 1804 г.). К сожалению, данными о сопроводительном текстовом материале, относящемуся к гравюре, мы не обладаем. Помимо этого, нет никаких сведений о тираже издания, которое бы могло разместить представленную гравюру.

Рассмотрение самой гравюры дает немало любопытных подробностей. Во-первых, название гравюры: «Murder of the duke D'Enghien» выполнено на английском языке. Добавляя к этому тезису факт того, что автор работы – возможно, англичанин, можно предположить, что гравюра была создана на заказ в Англии. Несмотря на это, если гравюра имела хождение на территории Франции, возникает вопрос, почему подпись к изображению выполнена на английском языке, к которому, как известно, французы относятся не слишком благосклонно. Изображение выполнено в мрачных тонах. Действие происходит в некой пещере. В левой части изображения молодой юноша в цепях, с фонарем на шее с повязкой на глазах. Рядом с ним скинутая верхняя одежда. Безусловно, это сам герцог. Позади него видна выкопанная яма. Напротив принца младшей ветви королевского дома Франции выстроились пятеро драгун (почему-то с киверами на голове) в ожидании приказа маленького безобразного офицера, поднявшего руку. Очевидный карикатурный образ на Наполеона, признанный создать контраст между благородным мучеником и генералом-узурпатором (а не консулом, конечно же). Горящий фонарь на шее герцога, возможно, имеет символический смысл, отсылая к чистоте, непогрешимости или же надежды на возвращение справедливости. На лицо одна из явных идей гравюры – показать противопоставление. Один невиновный человек, олицетворяющий честь, достоинство старой династии и преступная сила в лице выстроившихся солдат, которыми командует несуразный офицеришка-карлик, чей взгляд трусливо, будто бы специально направлен в сторону от герцога. Сюжет гравюры несет за собой одну цель – надавить на эмоции зрителя, показать преступность режима, его репрессивность, трусость. Темные тона должны были создать соответствующее настроение, представление о том, как совершалось одно из самых громких политических преступлений начала XIX века, несмотря на то, что обстоятельства расстрела герцога (вплоть до деталей) весьма отличались от представленных на гравюре.

Выбор столь эмоционального сюжета, думается, далеко не случаен. Для дискредитации образа Наполеона и его преступного, репрессивного режима подобный драматический сюжет подходит идеально. Но при этом встает главный вопрос исследования – на какую аудиторию могла быть направлена подобная работа. Очевидно, что роялистские силы (как умеренные, так и радикальные) вряд ли нуждались бы в напоминании о столь знаменательном событии, их неприязнь к Наполеону в меньшей или большей степени оставалась устойчивой. Сложность в определении целевой аудитории осложняется отсутствием ключевых данных о печатном издании, в котором могла быть размещена гравюра (ничего неизвестно о самом издании, его стоимости, тираже, географии распространения). Название на английском языке только усложняет анализ, заставляя задуматься о том, действительно ли гравюра в принципе имела хождение на территории Франции. Беря во внимание тот факт, что газеты как вид печатного издания выпускались довольно незначительными тиражами и имели хождение преимущественно в крупных городах, где размещались типографии, можно лишь предположить, что основной целевой аудиторией газет, брошюр или памфлетов, которые могли разместить подобные изображения, является городской житель, достаточно грамотный, чтобы иметь возможность прочесть издание и достаточно самодостаточный, чтобы позволить себе купить его. Но это лишь предположения, основанные на логике, но, увы, не на фактах. Для того, чтобы достичь большей ясности об обстоятельствах появления гравюры, на момент написания доклада в онлайн-администрацию Музея Армии в Париже направлен запрос об уточнении более подробной информации о гравюре.

Новые данные об обстоятельствах и истории появления гравюры смогут позволить узнать, размещалось ли изображение в газете или на обложке политической брошюры (или в ином виде). Если речь идет о газете, то к какому изданию она принадлежала, какую имела географию распространения и тираж. Один из центральных вопросов – об английской подписи также нуждается в выяснении. Но, вместе с этим, уже имеющиеся данные наталкивают на любопытную мысль о том, мог ли сюжет с убийством герцога использоваться в средствах массовой информации и искусстве в качестве пропагандистской практики? Важно понимать, что 1814 год – год еще довольно шаткого положения Бурбонов во Франции. Чтобы вытеснить образ великого Наполеона и Империи из сознания французских подданных, роялистская пропаганда прибегает к приему, который можно назвать «эмоциональное воздействие на зрителя». По сути, изображения, подобные представленной гравюре, формировали у читателя искаженное, весьма неполное представление о том, какие преступления совершались чуть ли не лично Наполеоном ради его собственных политических амбиций. Восстановленному режиму важно было донести до подданных идею о преступности, неестественности предыдущего режима, в чем могла помочь именно пресса, поставленная под государственный контроль.

Список используемой литературы:

1. Акватинта [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib33.ru/old/parts/srk/ruzin/4aqua.htm (дата обращения: 01.07.2020).

2. Бальзак, О. Утраченные иллюзии [Текст] / Оноре Бальзак ; перевод с фр. Н. Г. Яковлевой. – М. : Художественная литература, 1973. – 454 с.

3. Вильпен, Д. Сто дней или Дух самопожертвования [Текст] / Доминик де Вильпен. – М. : Стратегия, 2003. – 720 с.

4. Глушкова, Св. Х. Ш.-М. Талейран и реставрация Бурбонов в 1814 г. [Текст] // Научный журнал Уральского государственного педагогического университета. Историческая биография в символическом пространстве. – 2013. – с. 214–231.

5. Смирнов, Е. Периодическая печать во Франции [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text2/34_7.htm (дата обращения: 01.07.2020).

6. Тексты важнейших основных законов иностранных государств: Основные законы Англии, французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов и бельгийская конституция [Текст]. Ч. 1 / Пер.: Кокошкин О. О. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. – 109 с.

7. Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З Манфреда (1906-1976) [Текст]. – М. : КомКнига, 2006. – с. 232–261.

8. Чандлер, Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя [Текст] / Дэвид Чандлер ; перевод с англ. Н. Б. Черных-Кедровой. – М. : Центрполиграф, 2011. – 927 с.

9. Bertaud 2009 – Bertaud J.-P., Les royalists el Napoleon 1799-1816. – P.: Flammarion, 2009.

10. Furet 1988 – Furet F. La Revolution 1770-1880. – P.: Hachette, 1988.

11. Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France : avec une introduction historique sur les origines du journal et la bibliographie générale des journaux depuis leur origine. Genève, 1967. T. 8.

12. Murder of the duke D'Enghien [Электронный ресурс]. URL: https://www.photo.rmn.fr/archive/06-509585-2C6NU0BSNNEE.html (дата обращения: 01.07.2020).